

Сервергин

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

А. и Л. МЕРВАРТ

ОТЧЕТ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ИНДИЮ

в 1914 — 1918 гг.

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1927

ОТЧЕТ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ИНДИЮ в 1914—1918 гг.

Почти полное отсутствие в составе МАЭ АН коллекций, могущих дать представление о быте народов, населяющих Индию и составляющих почти пятую часть населения земного шара, побудило директора МАЭ, ныне покойного акад. Василия Васильевича Радлова, обратить внимание на этот пробел и подыскать людей и средства для создания отдела, который достойным образом отражал бы культуры индийских племен. Для выполнения этой задачи предполагался ряд экспедиций в Индию и был приглашен на службу в МАЭ составитель настоящего отчета, ныне уч. хран. МАЭ Александр Михайлович Мерварт. Кроме того к этой работе была привлечена Людмила Александровна Мерварт, состоящая на службе МАЭ в должности научн. сотрудн. I разр.

Трудности такой задачи были чрезвычайно велики, и лица, принимавшие участие как в разработке плана экспедиции и снаряжении ее, так и проводившие работу на месте, ясно отдавали себе отчет в этих трудностях. Огромная территория, равная по своим размерам европейской части СССР, население численностью свыше 300 миллионов человек, состоящее из самых разнородных и разноязычных племен, отсутствие каких бы то ни было систематических этнографических коллекций по Индии не только у нас, но даже в самих индийских музеях — вот некоторые из тех условий, при которых пришлось подойти к поставленной задаче. К тому же, этнографией и вообще бытом современной Индии в России научно очень мало занимались. Индология почти целиком совпадала с изучением санскрита и тех наук, которые изложены на этом языке. Современные индийские наречия, которые в настоящее время включены в учебную программу высших учебных заведений Ленинграда и Москвы, тогда нигде не преподавались. Перед экспедицией, таким образом, стояла весьма сложная задача: во-пер-

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Январь 1927 г.

Непременный Секретарь академик С. Ольденбург

Начато набором в ноябре 1926 г. — Окончено печатанием в январе 1927 г.

Тит. лист + 24 стр.

Ленинградский Гублит № 30987. — 1⁵/₈ печ. лист. — Тираж 1200 экз.
Типография Изд. С.-З. Промбюро ВСНХ. Ленинград, Тучкова наб., 2.

вых, собрать как можно больше и как можно систематичнее музейный материал в виде этнографических предметов, фотографий и т. п., во-вторых, изучать этнографию Индии на месте и, в третьих, изучать для знакомства с бытом хотя бы одной или двух областей, одно или несколько современных индийских наречий. Предварительная летняя командировка в Берлин и Мюнхен в 1913 г. дала нам, участникам экспедиции, возможность ознакомиться с индийскими коллекциями, выставленными в этнографических музеях этих двух городов.

Ввиду обширности задачи и полного отсутствия предварительной работы в этой области, предполагалось рассматривать первую экспедицию из ряда предполагаемых к отправке в Индию, как ориентировочную. Она должна была дать нам возможность ознакомиться на месте с индийским бытом, дать, конечно, известные результаты в смысле музейных коллекций и приготовить нас к исследовательской работе в той или иной области страны. Поэтому директивы, данные нам как администрацией МАЭ, так и ОИФ, носили весьма общий характер и предоставляли нам широкую свободу действий. На совещаниях, предшествовавших отправке экспедиции, некоторыми лицами, как напр., С. Ф. Ольденбургом и Л. Я. Штернбергом, было высказано пожелание, чтобы мы обратили особое внимание на дравидийский юг Индии, как на область, чрезвычайно интересную с этнографической точки зрения и совершенно не затронутую в русской индологии. Первоначально предполагалось отправить первую экспедицию в Индию на срок не больше двух лет, каковой срок лицами, задумавшими экспедицию, справедливо считался предельным для плодотворной работы. События последующих годов привели, однако, к тому, что мы продолжали свою работу в Индии без перерыва в течение почти четырех лет.

Эти же события — война и революция — сильно сократили те средства, которыми первоначально предполагалось снабдить экспедицию. По идее покойного акад. В. В. Радлова на содержание, передвижение и другие накладные расходы двух членов экспедиции предполагалось ассигновать 12.000 руб. в год. Приблизительно столько же было ассигновано на приобретение этнографических коллекций. В действительности же сумма, полученная экспедицией от АН в течение четырех лет, достигла всего 36.000 руб.

ЦЕЙЛОН. Мы отправились 5 IV 14 через Одессу на пароходе „Екатеринослав“ Добровольного Флота в Коломбо, куда прибыли 25 V 14. Мы решили посвятить изучению и собиранию материала по о-ву Цейлону продолжительное время по следующим причинам: во-первых, о-в Цейлон представляет собой, сравнительно с остальной Индией, небольшую площадь, во-вторых, первоначальное ознакомление с материальной стороной цейлонской этнографии очень облегчалось богатством хотя и не систематических коллекций Коломбского Музея, в третьих, работа могла быть, с пользой для дела, распределена между нами так, что один участник взял на себя изучение дравидийского языка — тамильского — в то время как другой занялся сингальским языком, представляющим собой весьма интересный отпрыск арийского семейства языков.

Для предварительной ориентации мы тщательно изучали сокровища Коломбского Музея. Многие предметы, являющиеся музейной редкостью и поэтому недоступные для приобретения, мы засняли и, таким образом, с самого начала приступили к созданию как бы дополнительного индийского отдела, долженствующего содержать, в виде фотографий, наиболее характерные предметы местных индийских музеев. Насколько нам позволили средства, мы этой системы придерживались в продолжение всей нашей работы. Одновременно мы стали приобретать разные знакомства среди местных жителей, сингальцев и тамиллов, с помощью которых нам в короткое время удалось составить значительную коллекцию, свыше 1.000 номеров. Эту коллекцию мы отправили 27 VII, через два месяца после нашего прибытия, в 4-х ящиках на пароходе Добровольного Флота „Кишинев“ в адрес МАЭ. Ввиду разразившейся через несколько дней после отправки войны, коллекции эти были выгружены в Александрии и сданы на хранение. К сожалению, есть основания опасаться, что эти коллекции были в свое время проданы с аукциона, ввиду неуплаты за хранение. Эти коллекции содержали приблизительно полный набор инструментов, употребляемых разными ремесленниками для местных ремесел, полный набор масок для „коланатува“ (маскарадных представлений) и „яккунатува“ (плясок для изгнания бесов), много предметов домашней утвари и пр.

Сейчас же по приезде на Цейлон мы начали изучение местных языков с помощью туземных учителей. Л. А. Мер-

варт занималась сингальским языком, а А. М. Мерварт — тамильским языком. Одновременно предпринимались краткие экскурсии для ознакомления с бытом прибрежной полосы, как-то: в города Матара, Галль, Колутара, Негомбо.

Начало войны застало нас в Кенди, куда мы поехали, чтобы немного отдохнуть от непривычной тропической жары и, с другой стороны, для изучения сингальского быта в его наиболее чистой форме. Несмотря на далекое расстояние от всех театров военных действий, мировая катастрофа не преминула отразиться и на условиях нашей работы. Прежде всего, средства экспедиции сильно сократились и, что гораздо важнее, стали приходить в наши руки чрезвычайно нерегулярно, что, конечно, сделало почти невозможным вести собирательную работу по строго продуманному плану. Кроме того, интерес властей Индии был естественно сосредоточен на сохранении спокойствия страны. Это стремление часто выражалось в стеснительных для нашей работы запрещениях посещать ту или иную местность. Ввиду взволнованного состояния широких слоев индийского населения, власти не считали целесообразным допускать работу среди первобытных племен в местностях, находящихся далеко от центров управления. С целью предохранения индийских владений от возможных нежелательных для британского престижа явлений, бдительный надзор за иностранцами, который существует и в мирное время, усилился до весьма стеснительных для нашей работы размеров. Нужно, однако, отметить, что рядом с понятной в такое чрезвычайное время подозрительностью со стороны властей и полиции, мы всегда встречали отменно любезный прием и помощь в нашей работе со стороны научных учреждений и ученых.

Из Кенди, 23 IX 14 мы предприняли трехнедельное путешествие по той части северного Цейлона, где находятся развалины древней культуры — Анурадхапура, Полланарува, Сигирия, Дамбулла и др. Для этого путешествия мы пользовались туземным способом передвижения — арбой, запряженной быками, что дало нам возможность ознакомиться и с бытом этой когда-то богатой, но ныне крайне запущенной, пустынной области. По возвращении мы разделили нашу работу следующим образом: Л. А. Мерварт поселилась в одной сингальской семье в д. Ампития Кендийской области, в то время как А. М. Мерварт вернулся в Коломбо, чтобы там, под

руководством ученого настоятеля буддийского монастыря Малигаканде, Шри Наниссера Торо, изучать буддизм школы Хинаяна. Эти занятия, которые происходили ежедневно в монастыре, служили, с одной стороны, хорошей практикой в языке пали, на котором велись беседы, с другой стороны, дали возможность ознакомиться с жизнью буддийской монашеской общины. В то же время А. М. Мерварт продолжал, под руководством туземного учителя, изучение тамильского языка, а также и работу в Коломбском Музее. Между прочим, по просьбе директора Музея д-ра Пирсон, им был составлен подробный отзыв о состоянии Этнографического Отдела Коломбского Музея для представления цейлонскому правительству.

С 12 X 14 по 16 I 15 Л. А. Мерварт прожила в д. Ампития Кендийской области в семье Пуссегода, сингальца из касты земледельцев — самой высокой из цейлонских каст. Эта семья являлась центром деревушки, так как принадлежала к классу бандара, т.е. тому классу, из которого сингальские независимые цари брали своих жен. Живя в этой семье, Л. А. Мерварт имела возможность наблюдать как домашний быт сингальцев, так и деревенские религиозные церемонии, а также ознакомиться с интересами и психологией сингальского сельского населения. Одновременно она имела возможность ознакомиться со своеобразными имущественными и брачными отношениями сингальцев, особенно с очень древней формой брака — „бини“. Постепенное усвоение языка и участие во всей домашней жизни помогли Л. А. Мерварт стать в деревне своим человеком и дали ей возможность изучить подлинную религию народа. Это изучение показало ей различие, существующее между буддийской доктриной и фактической религией буддийского крестьянина. Эта проблема оказалась настолько интересной, что 16 I 15 Л. А. Мерварт отправилась в двухнедельное путешествие по самым глухим местам провинции Сабарагамува. Здесь, где население чрезвычайно мало встречалось с европейцами, ей удалось записать за время своих странствований свыше 150 бесед с отдельными лицами обоего пола, из которых каждая заключала ответы на серию предварительно выработанных нами совместно вопросов по народным верованиям. Как во время этого путешествия, так и во время пребывания в д. Ампития Л. А. Мерварт удалось собрать материалы по фольклору, демонизму и по поклонению звездам. При

этом были собраны точные иллюстрации, сделанные местным сингальским художником, изображений, употребляющихся при „Бали“ (обряды звездопоклонничества) в количестве 82 и списана самая полная имеющаяся на Цейлоне рукопись, заключающая руководство для этих обрядов. В д. Ампития были кроме того собраны все употребляемые сингальцами сельские орудия, посуда, одежда и другие предметы домашнего быта и исключительная по своей ценности коллекция раскрашенной посуды из необожженной глины, каковая техника в настоящее время выходит из употребления. Одновременно с этими сборами и исследованиями Л. А. Мерварт перевела в д. Ампития на русский язык одну из самых распространенных народных сингальских религиозных книг „Кесадагуванса“ — „История семи священных волос“. Книга эта интересна как один из источников, из которых сингальский буддист удовлетворяет свои религиозные потребности.

Попутно с изучением народных верований сингальской деревни, мы совершили путешествие во владения одного из крупных сингальских вождей старого типа. Это было сделано отчасти для ознакомления с укладом жизни этого вымирающего слоя сингальского населения, отчасти, чтобы уточнить уже начатые раньше переговоры об одном даре, который этот вождь вызвался преподнести МАЭ. Дар должен был состоять из полной внутренней отделки буддийского храма — „джатака“, фигуры Будды и архатов на росписных досках. Эту отделку с фигурами в трех типичных позах мы предполагали монтировать в помещении Индийского Отдела. Наши переговоры по этому же поводу с одним крупным коммерсантом-сингальцем из Коломбо, Раджа Пакше, окончились неудачей, ввиду постигшего его семейного горя.

Кроме сингальской области, нами было обращено внимание и на тамильский север острова. Ввиду того, что мы собирались уделить дравидийской культуре в самой Индии значительное время, мы ограничились непродолжительной поездкой в г. Яффна и его окрестности. При этом нам очень помогло знакомство с одним выдающимся административным и общественным деятелем Цейлона, Понамбалам Раманатан, который имеет большое личное влияние среди своих тамильских сородичей на севере Цейлона и который принимал большое участие в нашей работе. В частых беседах с ним во

время поездки на его родину мы вникали, благодаря его умелому анализу, глубже в сущность современной индийской культуры, чем мы могли это сделать даже после более продолжительного пребывания в стране. В Яффне мы приобрели коллекцию изделий из пальмировой пальмы, характерной для этой части острова.

ЮЖНАЯ ИНДИЯ. В конце января 1915 г. мы поехали в южную Индию через Данушкоти и Талайманнар. Согласно принятой нами системе, мы сперва отправились в Мадрас, чтобы установить план нашей работы на основании коллекций Правительственного Музея. Там, как почти везде в Индии, этнография находится в руках неспециалистов, главным образом зоологов, хотя тогдашний директор Музея, Гендерсон, и его ассистент, ботаник Нара Синга Рао, всячески шли нам навстречу и помогали нам своим практическим опытом и знанием страны. Нара Синга Рао сделался нашим личным другом, и благодаря ему нам удалось приобрести ряд интересных коллекций. Изучение музейных предметов сопровождалось съемкой наиболее интересных этнографических предметов. В Мадрасе мы, таким образом, работали до наступления жаркого времени, т.е. до начала апреля. Коллекции, которые нам удалось за это время собрать, мы, с согласия директора Музея, хранили в одной из кладовых этого учреждения. Так как это помещение имело бетонный пол, мы не предвидели никакой опасности со стороны вредителей, в особенности термитов. Но впоследствии, уже после нашего отъезда из Индии, возникла необходимость перенести наши коллекции — их было к концу нашего пребывания 92 ящика — в другое помещение с простым земляным полом. Вследствие этого завелись термиты и уничтожили около 40% наших южно-индийских коллекций, главным образом деревянные и кожаные предметы, ткани, книги, записи, эмульсию на негативах, фотографии. В конце концов, оставшиеся более или менее целыми коллекции были, по распоряжению теперешнего директора Музея д-ра Грэвели, переупакованы в 50 ящиков, из которых некоторые содержали только жалкие остатки целого ряда предметов и книг. При переупаковке, повидимому из-за недостатка упаковочного материала, ряд каменных изваяний, изображающих змей, почитаемых в южной части Траванкора, остался не переупакованным и не был переслан сюда. К сожалению, среди

коллекций, погибших таким образом, было много предметов, иллюстрирующих быт разных примитивных племен южной Индии, как то: тодов, ведаров, кадаров, урали, мала-араян, танда-пулаян. Причину этой печальной потери следует искать в условиях военного и революционного времени, сделавших невозможной своевременную посылку коллекций в Ленинград.

В результате нашей работы в Мадрасе мы составили следующий план нашей дальнейшей деятельности: с одной стороны, подробное изучение городского и сельского быта тамиллов и малаяли, в особенности изучение народных культов, народного театра и т. п., с другой стороны, насколько было возможно, ознакомление с рядом примитивных племен. Мы с самого начала отдавали себе отчет в том, что в задачу нашей первой поездки, которая к тому же имела весьма широкие цели, не могло входить подробное исследование какой-нибудь отдельной народности. Для этого у нас не было ни опыта, ни знания языка, ни времени. С другой стороны, знакомство с различными стадиями индийского быта в соединении с более подробным исследованием той или иной из его сторон, как напр., народного театра, нам казалось и достижимым и необходимым. Из Мадраса мы сперва предприняли краткое путешествие в центры дравидийского индуизма — Читамбарам, Кумбаконам, Танжор, Тричинополи, Шрирангам. Следующей нашей целью были Пальнийские горы, где мы провели самое жаркое время — конец апреля и май. Поездка туда стояла отчасти в связи с приглашением Раманатана, имеющего там летнюю дачу. Однако, ввиду задержки с приездом самого Раманатана, нам пришлось видоизменить наши планы. Первую половину этого времени мы пробыли в Кодай-Каналь, где, главным образом, продолжали наши занятия тамильским языком. Остальное время мы жили в имении Чембаганур, вблизи деревушки того же имени. Это имение принадлежит помещику полуанглийского, полуиндийского происхождения, который нам оказал гостеприимство и впоследствии, когда мы жили у него в г. Мадуре. Это имение расположено по близости от лесов, в которых обитает племя палиан. Нам удалось собрать кое-какие предметы быта этого племени, а также и интересные камни-фетиши, почитаемые им, как божество. Кроме того, мы поручили одному из служащих имения, французу Леже, сделать для нас снимки, дав ему недорогую камеру, пластинки и инструкции.

Из Кодай-Каналь нам пришлось на короткое время еще раз съездить на о-в Цейлон. Из переписки по поводу вышеуказанного дара сингальского вождя выяснилось, что наше личное присутствие необходимо, чтобы добиться результатов. Мы отправились в Коломбо, куда мы прибыли в конце мая. Время до отъезда в Сабарагамува мы использовали, чтобы закончить кое-какие фотографии в Коломбском Музее, получить полный список уже упомянутых балийских заклинаний и поработать в монастыре Малигаканде. Одновременно была начата, при помощи некоторых представителей сингальской интеллигенции, анкета, которая должна была установить, в какой мере и в какой форме учение Будды отражается в мировоззрении образованных буддистов наших дней. Первое заседание, на котором присутствовало около 15 человек — сингальских общественных деятелей, адвокатов, врачей — дало уже некоторые результаты, и на нем была выработана программа более широкой анкеты. К несчастью, в этот момент начались беспорядки, принявшие сперва форму резни между буддистами и магометанами, но раздутые впоследствии местными властями в восстание против правительства. Целый ряд тех лиц, которые собирались принять участие в вышеуказанной работе, был расстрелян, и мы сами подверглись обыску. Однако, благодаря энергичным шагам русского консула, власти принесли нам извинения, но просили нас не продолжать пока нашу работу на Цейлоне. Несмотря на тревожное положение страны, мы отправились в Сабарагамува, но вследствие муссонных дождей дороги туда превратились в потоки, и нам пришлось вернуться в Коломбо. Таким образом, наша попытка обогатить МАЭ ценным и интересным даром цейлонского вождя кончилась неудачей.

По возвращении в южную Индию работа была распределена следующим образом: Л. А. Мерварт, следуя приглашению вышеупомянутого помещика, поехала в Каликут, чтобы ознакомиться с бытом наярров. Благодаря связям пригласившего ее лица, ей удалось познакомиться с рядом наярских семей, побывать в их домах и изучать наглядно их своеобразный семейный и религиозный уклад жизни. Между прочим, удалось наблюдать обряды, связанные с праздником Онам, посвященным Балараме — образу Вишну, специально почитаемому на Малабарском побережье. Кроме наярров, в Каликуте удалось изучать быт парсов, с кото-

рыми мы впоследствии больше не встречались, и быт различных низких каст — музыкантов, массажистов и пр. Во время пребывания Л. А. Мерварт в Каликуте произошло одно из очередных восстаний местных магометан мапила, принявшее довольно грозные размеры, ввиду неосмотрительности местного губернатора и отсутствия в области войск из-за европейской войны. Во время этого восстания белое население города подвергалось значительной опасности. А. М. Мерварт это время, т.-е. июль 1915 г., провел в Мадрасе, продолжая начатую весной работу в музее и в библиотеке, а также занятия тамильским языком. По совету выдающегося тамилита, Махамопадхья Субраманья Айар, он занялся переводом на русский язык единственного буддийского памятника на классическом тамильском языке — „Манимекалай“ — каковая работа была закончена уже в Мадуре с помощью тамошнего пандита Гопалакришна Айар. С августа до начала ноября мы жили в г. Мадура в доме того же помещика, у которого мы гостили и раньше. Этот город — старинный центр тамильской культуры — казался нам наилучшим местом для того, чтобы всесторонне изучить жизнь тамильского города и деревни. Кроме интенсивных занятий разговорным и литературным тамильским языком — последнее, главным образом, в связи с переводом тамильского классика — мы постоянно наблюдали жизнь и обычаи, не только на базаре или в разных святынях, но и в туземных домах. Л. А. Мерварт, как женщине, удалось попасть в дома некоторых браминов и подружиться с их женщинами. Она, кроме того, некоторое время работала в женской больнице местной американской миссии, где она могла сделать интересные наблюдения над жизнью и психологией женщин из простонародья. Из Мадуры мы предприняли ряд поездок в окрестные деревни, чтобы познакомиться с деревенскими обрядами. Кроме того, мы на несколько дней поехали вместе с нашим другом, одним видным местным брамином, в страну четти, где присутствовали на своеобразном обряде золотой свадьбы, подробно изучили странный быт этих тамильских купцов, построивших среди почти безводной пустыни селение из мраморных дворцов, и сделали много фотографий их жилищ, украшений и т. п. Находясь в Мадуре, мы получили через мадрасское правительство, к которому мы обратились за содействием, приглашение посетить входящие в состав Мадрасского

президентства княжества Пудукотта, Кочин и Траванкор в качестве гостей государства. В середине октября мы отправились сперва в Пудукотта. Благодаря любезности брата махараджи, а также английского резидента Берна мы имели полную возможность составить себе представление об учреждениях и жизни этого маленького государства. Мы вошли в близкий контакт с руководителем Краеведческого Музея, Сама Рао, сняли много интересных этнографических предметов, находящихся в Музее и во дворце махараджи, собрали ряд коллекций, как напр., коллекцию местных лекарственных трав. Быт этого маленького княжества интересен тем, что большая часть его населения и княжеский дом принадлежат к касте каллан или разбойников, игравших когда-то немалую роль в войнах и набегах в южной Индии.

Из Пудукотта мы поехали в Тричур на Малабарском побережье. Там мы были любезно приняты кочинским министром Бхор, в гостеприимном доме которого мы прожили около 3-х недель. Там же мы подружились с лучшим знатоком этнографии Малабарского побережья, Ананта Кришна Айар. Как автор трехтомного труда о кочинских кастах и племенах и как заведующий Музеем в Тричуре, он знал местный быт, как никто другой, и щедро делился с нами своим неисчерпаемым знанием. Благодаря его связям с местными жителями, нам удалось проникнуть в такие области быта, которые обычно закрыты для европейского путешественника, и приобрести ряд редких коллекций. Это был единственный специалист-этнограф, с которым судьба нас свела в южной Индии, да и вообще в Индии. Наша дружественная связь с ним сохранилась во все время нашего пребывания в стране. Мы с ним объехали окрестности Тричура, познакомились подробно с укладом жизни браминов намбудури, наяров, а также различных лесных племен (кадаров, танда пулаян и др.). Как и всегда, мы сняли наиболее интересные экспонаты Тричурского Музея. После Тричура мы отправились в другой главный город этого государства — Эрнаулам-Кочин. Благодаря способам передвижения, любезно предоставленным нам кочинским раджой, с которым мы там же и познакомились, мы имели возможность объехать на автомобиле и моторной лодке весь этот богатый край с его лагунами и каналами. Благодаря уже имевшемуся у нас знанию тамильского языка, нам было сравнительно легко освоиться

с языком малайлам, изучением которого мы занимались и во время нашего пребывания на Малабарском побережье. Во время пребывания в Эрнауламе мы воспользовались случаем, чтобы познакомиться с живущими в г. Кочине евреями, потомками переселившихся туда в начале н. э. выходцев из Палестины. Часть из них, так называемые „белые евреи“, являются удивительным примером сохранения чистоты типа в течение почти 2000 лет, в то время как другая часть, так называемые „черные евреи“, антропологически и этнографически интересна, как смесь семитического и южно-индийского (дравидийского) типов. Из Эрнаулам мы ехали пароходом до Квайлона, и оттуда в Тривандрум. Из Квайлона Л. А. Мерварт предприняла совместно с одной найркой, инспектрисой туземных школ, ряд поездок по деревням для собирания народных верований и обычаев.

Для передвижения в южной Индии и отчасти на Цейлоне мы пользовались мотоциклеткой с прицепной коляской, что оказалось очень удобным ввиду отличных дорог.

Траванкор, расположенный на крайнем юге Индии, вмещает в себе, также как и Кочин, древнейшие и первобытнейшие дравидийские племена одновременно с высоко развитой и очень строго выдержанной браминской культурой. В лице Махаматхы Ганапати Шастри, заведующего изданием санскритских рукописей, мы встретили одного из самых крупных индийских санскритологов. Он как раз был занят изданием ряда драм, которые он приписывает одному предшественнику Калидасы, известному под именем Бхаса. Этот вопрос казался настолько важным для истории индийской драмы, что А. М. Мервартом был сделан перевод всех приписываемых Бхасе 13-ти драм на русский язык. Эта работа стояла в связи с изучением мало известного вопроса о происхождении и истории малабарской народной драмы и о распространении арийской культуры среди дравидийских племен. Другое лицо, которое своими советами, знанием и дружбой оказало нам большие услуги, был известный автор „Индийской иконографии“, Т. Гопинатха Рао. Музей в Тривандруме, который был изучен и частично сфотографирован нами, не представлял большого этнографического интереса. Скоро после прибытия в Тривандрум мы решили разделить работу. А. М. Мерварт, после окончания работы в Музее, предпринял поездку в Нагар-Койль — центр

культа змей — в Сучиндрам и на мыс Коморин. Л. А. Мерварт приняла приглашение главы касты назрани мапилла (назорейские князья), называемой англичанами „сирийскими христианами“, приехать в г. Котаям и поселиться в семье одного из членов касты для изучения ее быта. Назрани мапилла — потомки индусов разных, но преимущественно высоких каст, главным образом браминов и найров, обращенных в христианство в течение первых веков н. э. Согласно общепринятому индийскому укладу жизни, эти, объединенные общим знаком религии, люди образовали особую касту, стоящую очень высоко в иерархии малабарских каст. Это положение их является совершенной противоположностью положению вновь обращаемых в христианство индусов, считающихся немногим выше париев. Назрани мапилла принадлежат к христианству восточного толка и поэтому очень тяготеют к России. Это дало Л. А. Мерварт возможность быть принятой в их среде как своя и принимать участие в качестве члена семьи как в ежедневной домашней жизни, так и во всевозможных обрядах. Кроме собирания предметов быта и записывания фольклора, детских игр, кухонных рецептов и т. п., Л. А. Мерварт, в бытность свою в Котаяме, перевела на русский язык с местного малайяльского народные песни, входящие в обряд назранской свадьбы, и занималась изучением истории этой интересной группы населения, насчитывающей более миллиона человек. Назрани мапилла живут не только в Котаяме, который является их главным центром, но и расселились по всему Траванкору и Кочину, и, собирая сведения о них, Л. А. Мерварт объехала большую часть их главных селений.

Время нашего пребывания в Траванкоре мы использовали также для изучения совершенно неизвестного в Европе типа театральных представлений религиозного характера, известного под именем „катакали“ или „аттакатха“. На них можно проследить постепенный переход от эпоса к драме. Мы присутствовали на одном представлении, сфотографировали актеров в их своеобразных костюмах и приобрели полный набор одежды и реквизита.

Одновременно мы изучали быт некоторых интересных примитивных племен и приобрели иллюстрирующие его коллекции, а также сделали ряд интересных снимков. Там, мы познакомились с племенем ведаров, живущим в окрестностях

Котаяма, и впоследствии с некоторыми племенами, живущими в горах Западных Гхатов. Нашим исходным пунктом для экскурсий в леса Западных Гхатов служили раскинутые на высоте около 1.500 м чайные плантации, где мы жили по приглашению плантаторов. Это дало нам, между прочим, возможность наблюдать своеобразный уклад плантационной жизни. Из Котаяма мы отправились сперва в Мундакаям — местечко, расположенное у самого подножия Гхатов. Из Мундакаяма мы разыскали селение племени мала-араян. Потом мы поднялись в Пирмэд — центр чайных плантаций. Оттуда мы посетили селение племени урали.

В начале февраля 1916 г. мы выехали из Траванкора, причем пользовались местным способом передвижения — плоскодонными крытыми баржами, в которых мы добрались по каналам и лагунам до Эрнаулама. После непродолжительной остановки в Тричуре мы поехали в Утакаманд на Синих горах. Наш план был следующий: посвятить некоторое время ознакомлению с племенами, населяющими Синие горы, собрать коллекции, иллюстрирующие их быт, и оттуда направиться в южную часть Деканского плоскогорья, занимаемую княжеством Майсор. В Утакаманде мы провели около месяца в ожидании необходимых средств для дальнейшей работы. Однако, ввиду военного положения, переводы из Англии в Индию на имя частных лиц были запрещены, и мы скоро оказались в очень критическом положении. Консулы, к которым мы обратились, предупредили нас, что такое положение может продолжаться долго, и что вообще, при критическом финансовом положении России, нам не приходится ожидать дальнейшей поддержки нашей работы. Одновременно нам было предложено отправить нас на казенный счет домой через Владивосток. Три телеграммы, посланные нами АН, остались без ответа. Не имея определенного распоряжения со стороны АН прекратить работу, мы сочли своим долгом сделать все, чтобы продлить наше пребывание в Индии как можно дольше. Единственной возможностью это сделать, при отсутствии средств и невозможности для консула оказать нам дальнейшую денежную поддержку из своих личных средств, было поступление на какую-нибудь службу. Благодаря нашим связям с Союзом южно-индийских плантаторов, А. М. Мерварту было предложено занять пост товарища директора Отдела Труды Союза южно-индийских

плантаторов. Эта должность обеспечивала нас не только материально, но давала еще возможность собирать коллекции. Кроме того, при исполнении разнообразных обязанностей, приходилось постоянно встречаться с самыми различными кастами, в особенности низшими. Эта работа была также связана с разъездами по большому округу южной Индии. Центром этого округа является г. Коимбатор, расположенный в равнине между Синими горами, Анамалей и Пальни, недалеко от Пальгхатского перевала, ведущего к Малабарскому побережью. Несомненно, что из всех возможностей временного заработка, эта служба дала наибольший материал для этнографических наблюдений. В Коимбаторе мы провели жаркое время, т.-е. март, апрель и май 1916 г. Наши планы относительно работы в Синих горах не были осуществлены ввиду отсутствия денег; и когда Л. А. Мерварт хотела вернуться из Коимбатора в Утакаманд, к ней был применен декрет, запрещающий иностранцам, ввиду военного времени, посещение ряда частей Индийской Империи. Из Коимбатора мы сделали ряд поездок, отчасти служебного характера, отчасти с исключительно этнографической целью. Так, Л. А. Мерварт съездила на ярмарку в Тричур и в Бангалор. Вместе, мы ездили по окрестностям Коимбатора, углубляя таким образом наше знакомство с дравидийской деревней. Свободное от служебных занятий время было использовано для дальнейшего изучения тамильского языка и продолжения начатого А. М. Мервартом в Траванкоре перевода драм Бхасы. Приблизительно через месяц после поступления на эту службу, были получены долгожданные средства для продолжения работы. Однако, пришлось дослужить до условленного в служебном договоре срока, который истек 6 VI 16. Частью полученных денег был покрыт долг консулам, на другую часть мы приобрели с помощью нашего друга Ананта Кришна Айар ценные коллекции с Малабара, из Коимбатора и его окрестностей. По истечении срока пребывания в Коимбаторе, мы отправились в Майсорское княжество. Сперва мы посетили Бангалор, где мы работали в течение нескольких дней в музее, и завели знакомство с местными учеными. К сожалению, свобода нашего передвижения по Майсору была урезана английскими властями больше, чем где бы то ни было. Для каждой поездки за пределы Бангалорского гарнизонного города требовалось исходатайствовать предварительное разрешение поли-

цейских властей с указанием цели и продолжительности поездки. Поэтому мы решили сократить наше пребывание в Майсоре до минимума и побывали лишь в г. Майсор, в Арсикере и в окрестностях Бангалора.

СЕВЕРНАЯ ИНДИЯ. К этому времени мы получили из АН документы, которыми срок нашей командировки был продолжен на дальнейшие два года. Ввиду отсутствия каких бы то ни было указаний, нам пришлось самостоятельно решить вопрос о дальнейшем направлении нашей работы. Мы пришли к заключению, что целесообразнее всего перенести поле деятельности на север Индии. Во-первых, работа и коллекционирование на одном дравидийском юге, казалось нам, не дали бы тех результатов, для которых мы были командированы, а именно более или менее полной картины всей Индии. Во-вторых, мы заметили, что окружающий нас быт сделался слишком привычным и что уже много черт его ускользало от нашего внимания. Для обострения наблюдательности нам казалось целесообразным резко переменить область обследования. Мы поэтому выбрали ближайшим местом для нашей работы Кашмир, на крайнем северо-западе Индии. Туда мы отправились следующим маршрутом: сперва мы поехали в Мадрас, где привели в порядок собранные нами до тех пор коллекции и сговорились с директором музея относительно хранения наших коллекций до возможности их вывоза, а также относительно приема имеющих прибыть из разных частей Индии коллекций от наших корреспондентов: Ананта Кришна Айар в Кочине, Падманабха Айар в Коимбаторе, Падманабха Пиллай в Тривандруме и др. Из Мадраса мы отправились в Калькутту. Там остановились на две недели для того, чтобы явиться в генеральное консульство, а также для предварительного изучения Индийского Музея и для первоначального ознакомления с языком хиндустани. Из Калькутты мы поехали в Лакнау, где приобрели ряд коллекций при помощи заведующего тамошним музеем, известного археолога Хирнанда Шастри. Одновременно мы подробно изучали археологические и этнографические коллекции Лакнауского Музея. Там же мы заказали ряд моделей, иллюстрирующих деревенский быт северной Индии. Из Лакнау мы поехали через Дели, Лагор и Раваль-Пинди в Шринагар — столицу Кашмира. Благодаря шагам, предпринятым по нашей просьбе русским консульством, кашмирский махараджа получил от индийского вице-

короля распоряжение принять нас, как гостей государства. Это распоряжение пришло однако через несколько недель после нашего приезда, так что мы устроились на собственные средства. В Кашмире мы провели август и сентябрь 1916 г. Работа наша шла по разным направлениям. Мы подробно изучали быт и технику кашмирских ремесленников — ткачей, резчиков по дереву, по металлу, рабочих, изготавливающих предметы из папье-маше и др. — и собрали множество изделий и орудий производства. В связи с этой работой мы заинтересовались вопросом об орнаменте, который в Кашмире особенно ярко иллюстрирует влияния скрещивающихся в этой стране культур персидской, китайской и индийской. С этой целью нами были собраны по возможности полные наборы образцов с орнаментами, встречающимися на изделиях из дерева и папье-маше, на тканях, вышивках, печатном ситце. Поскольку это было возможно, мы старались вникнуть в быт кашмирского населения, как крестьянского большинства, так и правящего браминского класса. В этой работе нам очень помогал, приглашенный нами в качестве секретаря молодой ученый, кашмирский брамин Джагадар Заду Шастри. Через него мы познакомились со своеобразным браминским бытом этой страны, собрали сведения о браминских обрядах и приобрели полный набор их украшений. Вообще вопросу об украшениях и их роли в обрядовой жизни Индии мы придавали большое значение. Так, мы приобрели в Индии украшения разных малабарских каст, 50 тали, т.-е. знаков замужества, и в том же направлении работали везде, где это оказалось возможным, причем нас прежде всего интересовала связь украшений с бытом.

Хорошим средством для ознакомления с крестьянским бытом Кашмира нам служил театр народной сатиры. Мы присутствовали на представлении кашмирских скоморохов, так называемых „бханда“, продолжавшемся около 8 часов, фотографировали представленные типы и выдающиеся моменты самого представления. Кроме того мы вместе с Джагадар Шастри предприняли путешествие пешком, во время которого мы побывали в разных кашмирских деревнях, а также у кочующего пастушеского племени гуджаров. Во время паломничества в шиваитскую святыню Амарнат, расположенную в Гималаях на высоте приблизительно 5 км, удалось близко наблюдать религиозную жизнь индусов и, в особенности, разных странников и отшель-

ников. Это паломничество продолжалось около 10-ти дней. К сожалению, вследствие порчи аппарата, из снятых во время этого паломничества около 100 фотографий многие оказались негодными.

Следующим нашим этапом после Кашмира, из которого мы выехали в конце сентября, был Лагор. В этом городе мы встретили чрезвычайно любезный прием со стороны ученых: Хита, заведующего Музеем, Харгривса, заведующего археологическими раскопками в Панджабе, и Вулнера, профессора санскрита в Лагорском Университете. С их помощью нам удалось в сравнительно короткое время составить себе представление о богатой археологии северо-западного края Индии, в особенности о периоде Гандхара. Директор Музея, который в то же время заведывал художественным техникумом, предложил нам изготовить за весьма низкую цену прекрасные гипсовые мулажи скульптур в окраске оригинала. Мы ограничились заказом одной статуи сидящего Будды Гандхарского периода, ценой в 10 рупий, т. е. 6 руб. 40 коп. Этот мулаж нами привезен в МАЭ и может служить образцом того, что мог бы нам дать лагорский художественный техникум, когда можно будет осуществить план составления галлерей индийского искусства. Такую галерею, дающую представление о развитии стилей в индийском искусстве от Ашоки до наших дней, можно было бы составить сравнительно недорого.

Под руководством Хита мы расширили приобретенное нами в Кашмире знакомство с художественными ремеслами северо-западной Индии. Важнейшие экспонаты Лагорского Музея были нами засняты. Кроме окрестностей Лагора мы посетили Амритсар и Золотой храм сикхов, где нам удалось сделать ряд интересных фотографий. Ввиду болезни Л. А. Мерварт, мы поехали в конце октября в Дели, где незадолго до этого была открыта прекрасно оборудованная женская больница. Наше пребывание в Дели затянулось, вследствие того, что болезнь Л. А. Мерварт приняла тяжелую форму, до декабря 1916 г. Этот период мы использовали для более подробного изучения урду, пользуясь услугами одного из лучших местных „мунши“, с помощью которого Л. А. Мерварт удалось проникнуть в интимную жизнь мусульманской семьи. Кроме того, мы продолжали наше изучение ремесел и приобрели целый ряд коллекций, иллюстрирующих эту область, как напр.,

полный набор набоек для ситцепечатания, аппарат для чистки хлопка и шерсти, и много др. Из Дели был предпринят ряд экскурсий, сперва в г. Маттра — древний центр культа Кришны, где мы присутствовали на представлении „Раслила“. Около 80 фотографий были сделаны нами во время этого представления. Там же мы познакомились с интересными скульптурами, относящимися, главным образом, к периоду Кушана, и с помощью заведующего Музеем приобрели ряд интересных культовых предметов. Все коллекции, собранные в северной Индии, мы направили, по предварительному соглашению с директором Индийского Музея, в Калькутту по адресу этого учреждения. Эти коллекции хранились в сравнительно благоприятных условиях и уцелели, несмотря на долгое время их хранения.

Пользуясь присутствием в Дели центрального индийского правительства, мы познакомились с министром народного просвещения, по просьбе которого А. М. Мерварт изготовил отзыв о проекте Всеиндийского Музея в Дели, а также представил список всех правительственных изданий, имеющих отношение к этнографии, в самом широком смысле этого слова, и необходимых для МАЭ. Результатом нашего ходатайства явился щедрый дар индийского правительства в форме свыше 500 томов.

Из Дели А. М. Мерварт поехал по приглашению Хирнанда Шастри, заведующего археологическими раскопками в Соединенных провинциях, в Фаррухабадский округ, где производились раскопки на месте древнего Санкисса. Пребывание в течение почти 2-х недель в этой местности дало возможность ознакомиться с бытом и строем северной арийской деревни и со своеобразным сращением культа деревенских божков с великими богами индуистского пантеона.

По выздоровлении Л. А. Мерварт мы направились, после непродолжительной остановки в Лакнау, в Бенарес. Мы считали необходимым посвятить хоть несколько дней этому центру индуизма, куда стекаются паломники со всех концов Индии. Мы сделали ряд снимков со сцен, происходящих на берегу Ганги — омовения, сожжения трупов и т. п. Второй нашей целью было посещение знаменитого Музея в Сарнате, на месте, где Будда произнес свою первую проповедь. Музей интересен не только своим содержанием — в нем представлены прекрасные образцы искусства периода Ашоки и

Гупта — но и своим оригинальным зданием, построенным по плану древнего буддийского монастыря. Наконец, нам хотелось познакомиться с редкостным изданием Рамаяна в переводе Тулси Даса, находящимся во дворце бенаресского махараджи в Рамнагаре. Эта рукопись состоит из нескольких томов и снабжена многочисленными миниатюрами, относящимися к началу XVIII в. Нам удалось снять в течение нескольких часов целый ряд этих миниатюр, которые нами предполагалось поместить в издании перевода драм Бхасы „Пратима натакам“ и „Абхишека натакам“.

В начале 1917 г. мы поехали в Калькутту. По приглашению профессора Серампурского Колледжа Калькуттского Университета Гиваргиса, видного члена общины назрани мапилла, мы поселились в общежитии малабарских студентов этого Колледжа. Такой выбор имел очень много выгод. Во-первых, это значительно удешевило стоимость жизни; во-вторых, дало нам возможность жить в небольшом старинном бенгальском городе, мало затронутом английской цивилизацией, и в то же время имеющем удобное сообщение с Калькуттой; в третьих, Л. А. Мерварт могла здесь собирать дальнейший материал для своей работы по назрани мапилла.

Этнографический Отдел Индийского Музея в Калькутте очень богат, и в нем хранятся экспонаты, приобретенные в начале прошлого столетия и даже раньше и представляющие собой музейные редкости. С другой стороны, этим отделом никогда не заведывал европейский музеевед-этнограф. Во время нашей работы над материалом этого отдела директор Музея, он же глава Департамента Зоологии, д-р Аннандэль, предложил А. М. Мерварту взять на себя перевыставление этого Отдела, хотя бы в некоторых его частях. Так как нами уже была собрана довольно полная коллекция музыкальных инструментов, а калькуттская коллекция содержала очень много интересного материала в дублетах, А. М. Мерварт принял предложение д-ра Аннандэля с условием, что в вознаграждение за пересмотр и перевыставление инструментов, а также за составление путеводителя по этой коллекции, МАЭ получит дублеты, необходимые для пополнения уже собранного материала. Одновременно с работой в Музее шла работа в библиотеке Бенгальского Общества изучения Азии, членом которого А. М. Мерварт был избран. Эта работа

была, главным образом, посвящена истории и теории индийской драмы.

Весной 1917 г. мы отправились в Ассам, с целью собрать коллекции и, по возможности, этнографический материал среди многочисленных и разнообразных горных племен. Наш план был поехать в Шилонг, где находится губернатор этой провинции, получить от него разрешение на поездку по горам Ассама и отправиться в дальнейший путь. Нам представлялось особенно интересным посетить Манипур, где можно было бы сравнить племена нага, не тронутые индуистской культурой, с их одноплеменниками мейтеи, принявшими индийскую религию и цивилизацию. Этому плану не было суждено осуществиться по следующим причинам: вскоре после приезда Л. А. Мерварт заболела тяжелой формой тропической малярии, так что мы только через месяц могли предпринять шаги для налаживания работы среди ассамских племен. Мы скоро убедились, что ассамские власти не были склонны идти нам навстречу, так как это затруднило бы полицейское наблюдение, под которым мы находились во все время нашего пребывания. К тому же наши средства пришли к концу, и в течение лета 1917 г. стало очевидным, что в ближайшее время нам нельзя было рассчитывать на получение таковых от командировавшего нас учреждения. Это отсутствие средств сделало для нас невозможным воспользоваться предложением известного знатока ассамских племен, Ф. Нидхэма, приобрести для нас через его агентов в высшей степени интересные коллекции по племенам абор, мишми и микир. Поэтому мы использовали пребывание в Шилонге для изучения племени кхаси, его языка, своеобразного матриархального строя, культа предков и других сторон его быта. Изучение этого языка, хотя бы до некоторой степени, казалось нам целесообразным ввиду положения, которое он занимает, как звено между монкхмерскими языками Индо-Китая и семейством хомунда центральной Индии. Насколько средства нам позволили, мы собрали кое-какие коллекции, относящиеся к племени кхаси.

К концу августа 1917 г. наше положение стало критическим. У нас остались только средства, необходимые для возвращения в Калькутту и для прожития в течение одной — двух недель. Мы вернулись поэтому в Калькутту и стали искать выхода из создавшегося положения. Директор Индийского Музея раз-

добыл специальные средства, на которые он пригласил А. М. Мерварта, поручив ему временное заведывание Этнографическим Отделом Музея. В течение шести месяцев А. М. Мерварт занимал эту должность, привел в порядок, перерегистрировал и выставил заново коллекции, относящиеся к Андаманским и Никобарским о-вам, к ассамским племенам и к примитивным племенам центральной Индии. По этим коллекциям им был составлен подробный путеводитель. Одновременно он принимал деятельное участие в работе Бенгальского Общества изучения Азии, где выступил с докладом о драмах Бхасы, напечатанным в журнале этого Общества. Л. А. Мерварт поступила преподавательницей в один из женских колледжей Калькутты. Заработанные нами таким образом деньги позволили нам не только продолжить наше пребывание в Калькутте, но и приобрести ряд интересных коллекций, как напр., набор марионеток бенгальского кукольного театра, модели, иллюстрирующие быт бенгальской деревни, и пр.

К концу января 1918 г. специальные средства на содержание заведующего Этнографическим Отделом пришли к концу. На ходатайство директора Музея об учреждении постоянной должности заведующего, с назначением на нее А. М. Мерварта, на время пребывания его в Индии, министр народного просвещения ответил отрицательно, ссылаясь на отсутствие средств. Предложенная А. М. Мерварту Калькуттским Университетом должность доцента санскритской литературы, в частности по индийскому театру, не давала достаточного для существования заработка. Из АН мы давно не имели указаний относительно дальнейшей судьбы экспедиции. Разыгравшиеся в то время в России события не давали нам надежды на дальнейший приток средств. К тому времени нам представилась возможность отправиться в Россию через Владивосток, на русском грузовом пароходе „Евгения“, совершавшем зимой 1917/18 г. рейсы по Бенгальскому зал. К концу февраля 1918 г. мы привели в порядок все наши дела и упаковали все находившиеся в Калькутте коллекции. Дирекция Калькуттского Музея любезно согласилась взять на себя хранение наших коллекций до отправки их на место назначения.

В конце февраля мы выехали из Калькутты в Рангун. Капитан парохода предполагал совершить еще один рейс в Коломбо и обратно и потом прямым путем вернуться во

Владивосток на летнее плавание. Однако, когда пароход стоял в Рангунском порту, он был конфискован британскими властями, вся команда, в том числе и мы (для облегчения портовых формальностей мы были записаны в судовую роль парохода), была высажена на берег и заключена в Рангунскую крепость. Наш плен продолжался 66 дней. Это отношение к нам британских властей объяснялось, кроме некоторой подозрительности по отношению к нашим политическим убеждениям, прежде всего отсутствием точных инструкций со стороны центрального правительства. По освобождении нас из заключения, английские власти отправили всю команду, в том числе и нас, на свой счет во Владивосток. Ввиду расстроенного морского транспорта мы приехали во Владивосток лишь 26 VII 18 после продолжительных остановок в Сингапуре, Пенанге, Гонконге и Шанхае. Образовавшийся вследствие гражданской войны фронт, отделявший Дальний Восток от остальной части СССР, принудил нас остаться во Владивостоке. Благодаря счастливой случайности, мы накануне отъезда из Индии получили из Лондона сумму в 400 фунтов стерлингов — задержавшийся перевод из АН. Наличие этих денег, из которых, после покрытия задолженности консульству и других долгов, осталось к моменту прибытия во Владивосток еще 2.500 руб. золотом, позволило нам принять деятельное участие, до известной степени даже финансовое, в создании историко-филологического факультета, вошедшего впоследствии в Дальневосточный Государственный Университет. В течение четырех лет мы состояли доцентами этого факультета, причем А. М. Мерварт одновременно состоял и доцентом восточного факультета. В 1919 г. удалось получить из Калькутты часть коллекций, всего 11 ящиков. В 1923 г. прибыли в Ленинград остальные наши коллекции из Индии и Цейлона. Получив в связи с этим предложение от АН вернуться в Ленинград для обработки и выставления собранного нами материала, мы в июне 1924 г. выехали из Харбина, куда мы в августе 1922 г. переселились вследствие безвыходного финансового положения во Владивостоке. К юбилею АН привезенные нами коллекции были большею частью зарегистрированы и выставлены, и был открыт Отдел Индии, не уступающий по объему другим Отделам МАЭ. Зимой 1925/26 г. был составлен путеводитель, представленный 8 V 26 ОИФ АН и делающий Отдел доступным для

обозрения. Таким образом, дана возможность учета и оценки той части работы экспедиции, которая относится к пополнению музейных коллекций. Ввиду необходимости закончить сперва эту предварительную работу, задержалось представление настоящего отчета.

Привезенный нами музейный материал состоит из 5.575 этнографических предметов быта и культа, 975 фотографий позитивов, 1.500 фотографий негативов, около 800 томов книг.

В течение четырех лет экспедиция получила от АН на свою экипировку, содержание, разъезды, накладные расходы и собирание коллекций 36.000 руб. Кроме того были получены 4.000 руб. накануне отъезда из Индии.

Научный материал, собранный нами, в настоящее время обрабатывается. В печать поступили пока статьи о музейном деле в Индии, об украшениях кашмирских браминов, о цейлонской богине Паттини и о малабарском народном театре. Готовится к печати I выпуск очерков, обнимающий Цейлон.

Александр Мерварт

Людмила Мерварт